

АГО КЮННАП (Тарту)

ПОКАЗАТЕЛИ ЧИСЛА ФИНИТНЫХ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ДВОЙСТВЕННОГО ЧИСЛА В СЕВЕРНОСАМОДИЙСКИХ ЯЗЫКАХ

1. Северносамодийские показатели числа основ финитных глагольных форм

Во всех самодийских языках показатели дв. и мн. ч. могут выступать в абсолютном конце глагольных форм 3-го л. субъектного спряжения, выполняя одновременно и функцию личного суффикса. В южносамодийских языках мы видим такое же употребление показателей мн. ч. и на конце форм 2-го л. императива (см. Künnap 1972:215—234). В составе финитных глагольных форм в позиции перед личными суффиксами показатели дв. и мн. ч. выступают лишь в северносамодийских языках, а именно — в специальных формах объектного спряжения, которые указывают на число прямого дополнения и встречаются только в этих языках.

1.1. 3-е лицо глагола в субъектном спряжении

Ненецкий язык (К — Castrén 1854:212—213, 226—228, 388—437, 439—440; Castrén—Lehtisalo 1940:1—304; Castrén, Lehtisalo 1960:299—308. Л — Lehtisalo 1947; Castrén, Lehtisalo 1960:339—462; Lehtisalo 1956. В — Вербов 1935. Т — Терещенко 1956:44; Терещенко 1965:897. А — Кюннап Рукоп.).

В функции личных суффиксов 3-го л. употребляются показатель двойственного числа (К) $-\chi a'$, $-\chi i'$, $-\chi i'$ $-g'$, $-k'$ $-\chi an-$, $-\chi in-$, $-\chi in-$, $-gan-$, $-kan-$; (Л) $-\chi V'$; (В) (лесной диал.) $-\chi V\eta$, $-\chi a\eta'$; (Т) $-\chi V'$, $-\chi Vn-$; (А) $-\chi V'$ и показатель множественного числа (К, Л, Т, А) $-'$, $-f$, (В) $-'$. Внутри слова эти показатели выступают здесь лишь перед показателем претеритума $-s$ и т. д. У Терещенко гортанный смычный показателя дв. ч. обозначен как назализирующийся, а гортанный смычный показателя мн. ч. — как неназализирующийся. Напр., (К) 3-е л.: аор. ед. ч. $mad\bar{a}' \sim mada'$: дв. ч. $mada\eta\chi a^1 \sim mada\eta\bar{a}'$ [$\leftarrow *-\eta a a'$ $\leftarrow *-\eta \chi a'$]: мн. ч. $mad\bar{a} \sim mada$: прет. ед. ч. $mad\bar{a}s \sim mada's$: дв. ч. $mada\eta\chi an\bar{s} \sim mada\eta\chi an\bar{z} \sim mada\eta\chi an' \sim mada\eta\bar{a}\bar{n}\bar{s} \sim mada\eta\bar{a}\bar{n}\bar{z}$ [$\leftarrow *-\eta a a n-$ $\leftarrow *-\eta \chi a n-$]: мн. ч. $mad\bar{a}\bar{s} \sim madat\bar{s} \sim madat$ [$\leftarrow *-\bar{t}\bar{t}$] ($mada's$ 'schneiden'), аор. ед. ч. $jurak$: дв. ч. $jurak\chi a'$: мн. ч. $jurak'$: прет. ед. ч. $jurak\bar{a}s$: дв. ч. $jurak\chi an\bar{s}$: мн. ч. $jurak\bar{a}\bar{s}$ ($jurak$ 'Jurak-

¹ Опечатка вместо $mada\eta\chi a'$?

Samojede'); (Л) *χajjēχa* 'sie [2] gingen', *ηäewōdixi* 'sie [2] ruhten', *täewjaχa* 'sie [2] kamen', *kajje* '[sie] gingen fort', *dō* '[sie] kamen', *kajjits* 'sie blieben'; (А) *pērnaχa* 'они (двое) делали', *jillenā:χa*, *jilleweχe*, *jillewe:χə* 'они (двое) жили', *jarŋa* 'они плачут', *χāja* 'они пошли'.

Энецкий язык (К — Castrén 1854:212—213, 233—235, 501—515. П — Прокофьев 1937б:84, 88. Т — Терещенко 1966б:449—451. М — Mikola 1967:61, 63, 73. А — Кюннап Рукоп.).

В функции личных суффиксов 3-го л. употребляются показатель двойственного числа (К) *-χa*, *-χo*, *-χi*, *-go*, *-gi*, *-ko*, *-χa-*, *-χo-*, *-χi-*, *-go-*, *-gi-*, *-ko-*; (П) *-χV*, *-χV-*, *-go-*; (Т) *-χi*, *-χi-*; (М) *-χi-*; (А) *-χi* и показатель множественного числа (К, П, Т, А) *-*. Внутри слова эти показатели выступают здесь лишь перед показателем претеритума, причем формой начального согласного показателя претеритума является *d*, а мн. ч. выражается в претеритуме лишь выступлением начального согласного показателя претеритума в форме *t* вместо (К) *s* ~ *ś* ~ *d* ~ *t*, (П) *ś*, (Т) *ś* ед. ч. Гортанный смычный показателя дв. ч. Терещенко обозначает как назализирующийся, а гортанный смычный показателя мн. ч. — как неназализирующийся. — Напр., (К) 3-е л.: аор. ед. ч. *mota* : дв. ч. *motaxa* ~ *motaxi* : мн. ч. *mota* : прет. ед. ч. *motasi* : дв. ч. *motaxadi* ~ *motaxidi* : мн. ч. *motafi* (*motaro* 'ich schnitt'), аор. ед. ч. *bu* : дв. ч. *buggo* : мн. ч. *buno* : прет. ед. ч. *bud* : дв. ч. *buggod* : мн. ч. *bunof* (*bu* 'Hund'); (М) *sujaχid* '[sie (2)] sind geboren' (*sujazod* 'geboren werden'); (А) ед. ч. *mottago* 'он режет' : дв. ч. *mottagoxi* : мн. ч. *mottago*.

Нганасанский язык (К — Castrén 1854:212—213, 230—231, 449—494. П — Прокофьев 1937а:67, 71—72. Т — Терещенко 1966а:428—429, Hajdú 1968:204—205. М — Mikola 1970:65—68).

Функции личных суффиксов 3-го л. выполняют при двойственном числе показатель (К, П) *-gaj*, *-kaj*; (Т, М) *-gəj*, а при множественном числе показатель (К, П, Т, М) *-*, который у Терещенко обозначен как неназализирующийся гортанный смычный. — Напр., 3-е л.: (К) аор. ед. ч. *mata'a* : дв. ч. *mata'agaj* : мн. ч. *matā* : прет. ед. ч. *matujua* : дв. ч. *matujuagaj* : мн. ч. *matujua*, аор. ед. ч. *tagaj* : дв. ч. *tagajkaj* : мн. ч. *takā* [**takaā* < **takaja*]; (М) аор. ед. ч. *ñiliti* : дв. ч. *ñilitigəj* : мн. ч. *ñiliti* ('élni').

1.2. Специальные формы глагола в объектном спряжении

Ненецкий язык (К — Castrén 1854:385—386, 388—437, 439—441. В — Вербов 1935. Т — Терещенко 1956:45—46, 1965:894).

В финитных формах объектного спряжения на двойственное число прямого дополнения указывает показатель (К) *-χaju-*, *-χiju-*, *-χiju-*, *-gaju-*, *-kaju-*, (лесной диал.) *-χaju-*; (В) (лесной диал.) *-χajo-*; (Т) *-χVju-*, а на множественное число — показатель (К) *-ja-*, *-je-*, *-ji-*, *-j-*, *-i-*, (лесной диал.) *-je-*, *-i-*; (В) (лесной диал.) *-ja*; (Т) *-ja-*, *-j-* и (К) (лесной диал.) *-χaje-* (только в 1-м л. ед. ч.), или же повышение гласных основы: (К) *i*, *e* и *ī*, *ī*; (Т) *ī* вместо (К) *a* и *ā*; (Т) *a* ед. ч. — Напр., (К) 1-е л. ед. ч.: инд. аор. объект ед. ч. *madāu* ~ *madau* : объект дв. ч. *madaŋaχajun* ~ [*>*] *madaŋajun* : объект

мн. ч. *madain* ~ *madajen* : прет. объект ед. ч. *madāwaś* ~ *madawaś* : объект дв. ч. *madaṇaxajunaś* ~ [>] *madaṇājunaś* : объект мн. ч. *madainaś* ~ *madajenaś* : конъюнкт. аор. объект ед. ч. *madajiu* ~ *madaiiu* : объект дв. ч. *madajixijun* ~ *madaiijun* [< *-ḥixijun] : объект мн. ч. *madajin* ~ *madaiin* : прет. объект ед. ч. *madajiwaś* ~ *madaiiwaś* : объект дв. ч. *madajixijunaś* ~ *madaiijunaś* [< *-ḥixijunaś] : объект мн. ч. *madajinaś* ~ *madaiinaś* : опт. аор. объект ед. ч. *madarawau* : объект дв. ч. *madarawaḥajun* : объект мн. ч. *madarawin* ~ *madarawujen* : прет. объект ед. ч. *madarawawaś* : объект дв. ч. *madarawaḥajunaś* : объект мн. ч. *madarawinaś* (*madāu* 'hauen, schneiden'), (лесной диал.) 1-е л. ед. ч.: [? инд. аор. или през.] объект ед. ч. *tamdaṇam* : объект дв. ч. *tamdaṇaxajun* : объект мн. ч. *tamdājen* ~ *tamdaṇaxajen*.

Энецкий язык (К — Castrén 1854:499—518. П — Прокофьев 1937б:88—89. Т — Терещенко 1966б:449—451. А — Кюннап Рукоп.).

На двойственное число прямого дополнения указывает показатель (К) *-χu-*, *-χū-*, *-gu-*, *-ku-*; (П) *-χū-*, *-gū-*; (Т) *-χu-*, *-gu-*, *-ku-*; (А) *-χi-* и на его множественное число — повышение гласных основы: (К) *e*, *i* (*ē*) и *u*; (П) *e*; (Т) *i* и *i* вместо (К) *a* (*ā*) и *o*; (П) *a*; (Т) *a* и *o* ед. ч. Терещенко (1966б:449) пишет, что вместо такого повышения может выступать и показатель *j*, который наличествует и в материалах автора статьи: *-j-*. — Напр., (К) 1-е л. ед. ч.: инд. аор. объект ед. ч. *motabo* ~ *motā* : объект дв. ч. *motaxuno* : объект мн. ч. *moteno* : прет. объект ед. ч. *motabosi* ~ *motāsi* : объект дв. ч. *motaxunosi* : объект мн. ч. *motenosi* : конъюнкт. аор. объект ед. ч. *motaibo* ~ *motañio* ~ *motaio* : объект дв. ч. *motaiχuno* ~ *motañixuno* : объект мн. ч. *motaino* ~ *motañino* : прет. объект ед. ч. *motaibosi* ~ *motañiosi* ~ *motaiosi* : объект дв. ч. *motaiχunosi* ~ *motañixunosi* : объект мн. ч. *motainosi* ~ *motañinosi* (*motaroc* 'ich schnitt'); (А) объект ед. ч. *mottagoda* 'он режет' : объект дв. ч. *mottagoχida* : объект мн. ч. *mottagojda*.

Нганасанский язык (К — Castrén 1854:447—494. П — Прокофьев 1937а:72—73. Т — Терещенко 1966а:429—430. М — Mikola 1970:65—66. А — Кюннап Рукоп.).

На двойственное число прямого дополнения указывает показатель (К, П) *-gej-*, *-kej-*; (Т, М) *-gəj-*, *-kəj-*; (А) *-gaj-*, а на его множественное число — показатели (К) *-i-*, *-j-*; (П, Т, М) *-j-*; (А) *-i-* и (М) *-gəj-* (только во 2-м л. ед. ч. в императиве), или же повышение гласных основы: (К обычно, П, Т) *i* и (Т, М) *i* вместо (К, П) *a*, (Т) *a*, *e*, *e* и (Т, М) *ə*. Следом указанного показателя мн. ч. *-i-*, *-j-* может, по Микола, во 2-м л. ед. ч. в императиве быть и лишь смягчение последующего начального согласного личного суффикса. — Напр., (К) 1-е л. ед. ч.: инд. аор. объект ед. ч. *mata'ama* : объект дв. ч. *mata'akejña* : объект мн. ч. *mata'iña* : прет. объект ед. ч. *matujuama* : объект дв. ч. *matujuagejña* : объект мн. ч. *matujuiña* : конъюнкт. объект ед. ч. *matubāma* ~ *matubādāma* : объект дв. ч. *matubāgejña* ~ *matubādākejña* : объект мн. ч. *matubaiña* ~ *matubādeïña* (*mata'am* 'ich schnitt'); (М) 2-е л. ед. ч.: импер. объект ед. ч. *tenjðə* : объект дв. ч. *tenjəjəñə* ~ *tenjəgəjəñə* : объект мн. ч. *tenjəñə* ~ *tenjəjəñə*; ('ismerni'); (А) объект ед. ч. *mattujō-ḍu* 'он резал' : объект дв. ч. *mattujō-gajtti* : объект мн. ч. *mattujō-ffi* : объект ед. ч. *mattugō-ri* 'вы когда-нибудь обрежете (желание)' : ... : объект мн. ч. *mattügöiftti*.

2. Некоторые проблемы северносамодийских показателей двойственного числа исторической именной сферы

Северносамодийские числовые показатели исторической именной сферы (см. и Кюннап 1973) можно представить в форме следующей таблицы (в квадратных скобках даны изменения в словоформах дв. и мн. ч. по отношению к словоформам ед. ч., заменяющие сегментный числовой показатель или его компонент):

	НЕНЕЦКИЙ	ЭНЕЦКИЙ	НГАНАСАНСКИЙ
Двойственное число			
Абсолютное склонение			
Ном.	-χV', -g', -k' (в акк. и -χ(a), -g), (лесной диал.)	-χα', -χο', -go', -ko'	-gaj, -gəj, -kaj, -kəj
Ген.			
Акк.	-χã(n), -χVη('), -g, -k		
Лат. Лок. Абл.	-χα-, -ga-, -ka-	-χi(')-, -gi-, -ki-	-gi-, -ki-

3-е лицо глагола

-χV', -g', -k' (~ -χVn-, -gan-, -kan-)	-χV', -gV', -ko' (~ -χV-, -gV-, -ko- [+ прет. d])	-gaj, -gəj, -kaj
--	---	------------------

Посессивное склонение

Ном.	-χVjo-, -χVju-, -χVjjū-, -gaju-, -kajo-, -kaju- [+ в ген., лат., лок., абл. 2-го и 3-го л. t] (? в ген. и -χaju')	-χu-, -χū-, -gu-, -gū-, -ku- [+ в ген., лат., лок., абл. 2-го и 3-го л. t]	-gaj-, -gəj-, -kaj-, -kəj- [+ в ном.- акк. смягчение начальных соглас- ных посесс. суф- фиксов]
Ген. Акк.			
Лат. Лок. Абл.			

Дезидеративное склонение

= Посесс. скл.	-χu-	-gai-, -kai-
----------------	------	--------------

Специальные формы глагола

-χVju-, -gaju-, -kaju-, -χajo-	-χu-, -χū-, -gu-, -gū-, -ku-, -χi-	-gej-, -gəj-, -kej-, -kəj-, -gaj-
-----------------------------------	---------------------------------------	--------------------------------------

Множественное число

Абсолютное склонение

Ном.	-'	-'	-'
Ген.	[повышение глас- ных +] -'	[повышение глас- ных +] -'	-t', [повышение гласных +] -'

Акк.	[повышение гласных]	[повышение гласных (+)] (- ²)	-j
Лат.	} -	} [коэфф. - <i>χi</i> -, - <i>gi</i> -, - <i>ki</i> -]	} [коэфф. - <i>ndi</i> -, -(<i>n</i>) <i>ti</i> -, - <i>ti</i> -, - <i>gi</i> -, - <i>ki</i> -]
Лок.			
Абл.	[- <i>t</i> или] - ² [- <i>t</i>]	[коэфф. - <i>χi</i> -, - <i>gi</i> -, - <i>ki</i> - + - <i>t(o)</i>]	

3-е лицо глагола

-²(~ -*t*-) -² [или прет. *t*] -²

Посессивное склонение

Ном.	} [повышение гласных + в ген. 2-го и 3-го л. <i>t</i>]	} [повышение гласных + в ген. 2-го и 3-го л. <i>t</i>]	} [повышение гласных + в ном.-акк. смягчение начальных согласных посесс. суффиксов]
Ген.			
Акк.	} [в формах 2-го и 3-го л. <i>t</i> и в абл. <i>t</i>] (в лок. и - ² -)	} [коэфф. - <i>χi</i> -, - <i>gi</i> -, - <i>ki</i> - + в формах 2-го и 3-го л. <i>t</i> и в абл. <i>t</i>]	} [коэфф. - <i>nti</i> -, - <i>ndi</i> -, - <i>tš</i> - + в формах 2-го и 3-го л. <i>t</i>]
Лат.			
Лок.			
Абл.			

Дезидеративное склонение

= Посесс. скло- [показатель скл. [показатель скл.
нение -*ri*-, -*di*-, -*ti*-] -*di*-, -*di*-, -*ti*-]

Специальные формы глагола

-*ja*-, -*je*-, -*ji*-, -*j*-, [повышение гласных или] -*j*- -*j*-, -*i*- [или повышение гласных или смягчение начальных согласных личных суффиксов] (во 2-м л. ед. ч. в импер. и -*gəj*-)

-*i*- [или повышение гласных] (в лесном диал. в 1-м л. ед. ч. и -*χaje*-)

Все глагольные формы в современных самодийских языках, несомненно, именного происхождения (см., особенно, Ravila 1948:58—64; N.-Sebestyén 1971; Künnap 1972). На это указывают и числовые показатели в северносамодийских финитных глагольных формах: мы видим, что формы 3-го л. субъектного спряжения являются по происхождению формами номинатива абсолютного склонения, а специальные формы объектного спряжения, указывающие на число прямого дополнения, — формами номинатива посессивного склонения. Дезидеративное (или предназначительное) склонение представляет собой всего лишь разновидность посессивного. Следовательно, при северносамодийских числовых показателях исторической именной сферы мы имеем дело, с исторической точки, лишь с двумя различными группами этих показателей: для абсолютного и для посессивного склонений. (Это последнее заключение распространяется и на южносамодийские языки, см. Künnap 1972). Но в рамках обоих склонений в различных падеж-

ных формах могут применяться разные числовые показатели, причем разница есть и между отдельными языками и их диалектами. (В южносамодийских языках одни и те же числовые показатели обобщены во все падежные формы, см. также Künнар 1971:18—19, 22—23, 31—38, 41—43).

Двойственное число строится в северносамодийских (и южносамодийских) языках явно на элементе **-ka*. Но одной из самых трудных проблем северносамодийских показателей дв. ч. является вопрос о происхождении их гортанных смычных. Эти гортанные смычные — назализирующиеся. Начнем с номинатива абсолютного склонения. Йоки пишет, что гортанный смычный на конце показателя дв. ч. в номинативе тундрового диалекта ненецкого языка представляет древний назальный элемент, ср. (Л) (лесной диал.) *χōddōχαη*, 'zwei Rentierkälber' (Joki 1956:17—18; см. и Joki 1968:224—225); ср. показатели дв. ч. в лесном диалекте (К) *-χā(n)*; (В) *-χVη*; (А) *-χαñ*, *-χVη*. Н.-Шебештьен (N.-Sebestyén 1971:163) пишет: «Das Dualzeichen *hā* in Castrén's waldjurakischen Aufzeichnungen weist auf eine Verbindung **ka + je* hin... In einer Angabe erscheint bei Castrén *n* als drittes Element: *poonga* 'Netz': *poonga-hā(n)* (Mat 301)», но Кастрен писал, на самом деле, *-hā* и *poongahā(n)* (см. Castrén, Lehtisalo 1960:299—308). Тот же назальный элемент *n* может в принципе наличествовать и в вариантах *-χVn-*, *-gan-*, *-kan-* личного глагольного суффикса 3-го л. дв. ч., выступающих перед показателем претеритума (см. и Labádi 1967:416; N.-Sebestyén 1971:163), но не обязательно, так как мы имеем здесь дело с комбинаторными вариантами суффикса *-χV'*, *-g'*, *-k'*, а назализирующийся гортанный смычный, как известно, принимает перед непосредственно следующими за ним согласными гомоганную с ними назальную форму, напр. $\text{' + } \acute{s} > n\acute{s}$, $\text{' + } p > mp$, $\text{' + } k > \eta k$ и т. д. (см., особенно, Hajdú 1958:249, 259—264). Следовательно, выступление на конце показателя дв. ч. ясного назального элемента ($\eta \sim ? n$) или же его бесспорного следа в форме назализации гласного (*ã*) ограничивается во всей самодийской языковой группе номинативом абсолютного склонения лесного диалекта ненецкого языка. В тундровом диалекте ненецкого языка и в энецком языке мы наталкиваемся в номинативе на загадочный гортанный смычный, а в нганасанском на конце показателя дв. ч. в номинативе стоит *j* (как и в южносамодийских языках, но в них, возможно, наряду с чистым элементом **-ka*, см. Joki 1968:222—223; Labádi 1967:420; Künнар 1971:22—23, 27—28). Лабади реконструирует все же прасамодийский показатель дв. ч. абсолютного склонения в форме **-kan*, **-kañ*, предполагая последующий переход $\text{*}-\acute{n} > -j$ (Labádi 1967:422—423).

Оставим пока в стороне косвенные падежи абсолютного склонения и перейдем по следам элемента *j* к посессивному склонению. Лабади возводит выступающие здесь показатели дв. ч. нен. *-χVjō-* и т. д., эн. *-χu-* и т. д., нган. *-gaj-* и т. д. к прасамодийской форме для посессивного склонения [**kan*,] **kañ*, отмечая все же, что *u* проблематичен. На своих университетских лекциях в 1938 г. Лехтисало высказал мнение, что *u* в нен. *-χajjü-* и эн. *-χu-* (< **-haju-*) является, наверно, по происхождению аналогичным и присоединен здесь к показателю дв. ч. по примеру форм мн. ч. таких слов, на конце которых первоначально стоял *ã*, напр., нен. *-ã* (< **-ui*): акк. мн. ч. *-ãjjü* (по рукописным записям лекций, которые вел Йоки). В качестве такого слова и его формы мн. ч. у Лехтисало приведено нен. (Л) *ηannü* 'Boot' [< **-ã- + *-j*, ср., напр. нган. (К) *ηandui* то же]: акк. мн. ч. *ηannüjjü* (Lehtisalo 1936:55). Имел

ли Лехтисало в виду, что в этой форме аккумулятива сохранился гласный суффикса *-jV*, который из-за прогрессивной ассимиляции стал под влиянием *ū* лабиальным и под влиянием *jj* — верхним, причем *jj* является результатом поздней геминации? В ненецком словаре Лехтисало (Lehtisalo 1956) мы находим целый ряд форм аккумулятива такого же типа, напр., *ullūjjū* (*ullū* 'Brustwarze, Zitze...'), *jeŋkujjū* (*jeŋkū* 'Falle'), *jeptū* ~ *jeptujjū* (*jeptu* [~ *japtū*] 'Gans'), *wānnojju* (*wānnū* 'Wurzel'), *ŋarŋōjjū* (*ŋārŋū* 'Nasenhöhle'), *warŋŋijjū* (*warŋāe* 'Krähe') (на конце основ всех этих слов выступает, видимо, суффикс **-jV*, см. Lehtisalo 1936:53—55, ср. и 64—66). Не исключена в принципе и возможность, что *-jū*, *-jū* здесь — показатель мн. ч., как и *-ji(-)*, *-j-*, *-je* в формах мн. ч. типа (К) ген. *niēneciji'* : акк. *niēneciji* (*niēnecēa'* ~ *niēnecē'* ~ *niēnec'* 'Mensch'); (Л) ген. *ñēnēcij'* 'der Menschen' (иначе Лабади, см. Labádi 1967:416); (Т) акк. *ŋaworcije* (*ŋaworē* 'посуда'). Имеются, по всей вероятности, и случаи обобщений в обратном направлении, т. е. из дв. ч. во мн. ч. В качестве таких случаев следует рассматривать выступающие лишь в нескольких известных глагольных формах показатели мн. ч. для специальных глагольных форм нен. *-χaje-* (вместо обычного *-ja-* и т. д.), нган. *-gəj-* (вместо обычного *-j-* и т. д.). По меньшей мере первый компонент *-χa-*, *-gə-* этих показателей мн. ч. перенят из дв. ч. (посессивного склонения). Предположение Лехтисало о том, что энецкий показатель дв. ч. *-χu-* (и т. д.) происходит от **-haju-*, поддерживается и выступлением долгого *ū* в вариантах *-χū-*, *-gū-*. Будем считать, что все сказанное в данном отрывке относится, в первую очередь, к номинативу рассматриваемого посессивного склонения.

Вернемся теперь к косвенным падежам дв. ч. абсолютного склонения. В ненецком прослеживается тенденция к употреблению в генитиве абсолютного склонения показателя дв. ч. с гортанным смычным на конце, а в аккумулятиве — без гортанного смычного. Такое выступление гортанного смычного напоминает употребление гортанного смычного в соответствующих падежах мн. ч. (хотя характер гортанных смычных различен: в дв. ч. — назализирующийся, а во мн. ч. — неназализирующийся). В лативе, локативе и аблативе выступает показатель дв. ч. без гортанного смычного на конце (но он мог в принципе слиться с последующими падежными окончаниями или исчезнуть перед ними). Поскольку эти падежные формы образованы при помощи вторичных падежных окончаний послеложного происхождения, то следует ожидать, что в основу их лег тот или иной неместный падеж, скорее всего, номинатив или генитив (в обоих случаях ожидалось бы первоначальное наличие гортанного смычного). В отношении энецких и нганасанских показателей дв. ч. косвенных падежей абсолютного склонения с гласным *i* (такой показатель может выступать в энецком и в номинативе) напрашивается предположение, что они возводятся к форме типа нган. *-gaj* и т. д., т. е. к форме с конечным *-j(*-kaj > *-kij > -ki)*. Но бросается в глаза и другое: они напоминают коаффикс падежных окончаний местных падежей мн. ч. эн. *-χi-*, *-gi-*, *-ki-*; нган. *-gi-*, *-ki-* (наличествует ныне в нганасанском лишь в аблативе, но употреблялся ранее, несомненно, шире, см. Künnap 1971:125—129); ср., напр., эн. (К) лок. ед. ч. *lataχane* : дв. ч. *lataχinēne* : мн. ч. *lataχine* (*lata* 'Brett'). *i* является часто и формой гласных основы в генитиве и аккумулятиве или генитиве-аккумулятиве мн. ч. этих языков. Не следует ли при косвенных падежах дв. ч. абсолютного склонения считаться в энецком и нганасанском с уподобляющим влиянием косвенных падежей мн. ч.? Ведь без этого трудно объяснить выступление *i* в показателе дв. ч., осо-

ных формах могут применяться разные числовые показатели, причем разница есть и между отдельными языками и их диалектами. (В южносамодийских языках одни и те же числовые показатели обобщены во все падежные формы, см. также Künnap 1971:18—19, 22—23, 31—38, 41—43).

Двойственное число строится в северносамодийских (и южносамодийских) языках явно на элементе **-ka*. Но одной из самых трудных проблем северносамодийских показателей дв. ч. является вопрос о происхождении их гортанных смычных. Эти гортанные смычные — назализирующиеся. Начнем с номинатива абсолютного склонения. Йоки пишет, что гортанный смычный на конце показателя дв. ч. в номинативе тундрового диалекта ненецкого языка представляет древний назальный элемент, ср. (Л) (лесной диал.) $\chi\ddot{o}\ddot{d}\ddot{o}\chi\eta\eta$, 'zwei Rentierkälber' (Joki 1956:17—18; см. и Joki 1968:224—225); ср. показатели дв. ч. в лесном диалекте (К) $-\chi\ddot{a}(n)$; (В) $-\chi V\eta$; (А) $-\chi a\ddot{n}$, $-\chi V\eta$. Н.-Шебештьен (N.-Sebestyén 1971:163) пишет: «Das Dualzeichen *hā* in Castrén's waldjurakischen Aufzeichnungen weist auf eine Verbindung **ka + je* hin... In einer Angabe erscheint bei Castrén *n* als drittes Element: *poonga* 'Netz': *poomga-hā(n)* (Mat 301)», но Кастрен писал, на самом деле, $-\hbar$ и *poongahā(n)* (см. Castrén, Lehtisalo 1960:299—308). Тот же назальный элемент *n* может в принципе наличествовать и в вариантах $-\chi Vn-$, $-gan-$, $-kan-$ личного глагольного суффикса 3-го л. дв. ч., выступающих перед показателем претеритума (см. и Labádi 1967:416; N.-Sebestyén 1971:163), но не обязательно, так как мы имеем здесь дело с комбинаторными вариантами суффикса $-\chi V'$, $-g'$, $-k'$, а назализирующийся гортанный смычный, как известно, принимает перед непосредственно следующими за ним согласными гоморганную с ними назальную форму, напр. $\eta + \acute{s} > n\acute{s}$, $\eta + p > mp$, $\eta + k > \eta k$ и т. д. (см., особенно, Hajdú 1958:249, 259—264). Следовательно, выступление на конце показателя дв. ч. ясного назального элемента ($\eta \sim ? n$) или же его бесспорного следа в форме назализации гласного (\ddot{a}) ограничивается во всей самодийской языковой группе номинативом абсолютного склонения лесного диалекта ненецкого языка. В тундровом диалекте ненецкого языка и в энецком языке мы наталкиваемся в номинативе на загадочный гортанный смычный, а в нгансанском на конце показателя дв. ч. в номинативе стоит *j* (как и в южносамодийских языках, но в них, возможно, наряду с чистым элементом **-ka*, см. Joki 1968:222—223; Labádi 1967:420; Künnap 1971:22—23, 27—28). Лабади реконструирует все же прасамодийский показатель дв. ч. абсолютного склонения в форме **kan*, **kañ*, предполагая последующий переход **-ñ > -j* (Labádi 1967:422—423).

Оставим пока в стороне косвенные падежи абсолютного склонения и перейдем по следам элемента *j* к посессивному склонению. Лабади возводит выступающие здесь показатели дв. ч. нен. $-\chi Vjo-$ и т. д., эн. $-\chi u-$ и т. д., нган. $-gaj-$ и т. д. к прасамодийской форме для посессивного склонения [**kan*,] **kañ*, отмечая все же, что *u* проблематичен. На своих университетских лекциях в 1938 г. Лехтисало высказал мнение, что *u* в нен. $-\chi ajj\ddot{u}-$ и эн. $-\chi u-$ (< **-haj\ddot{u}-*) является, наверно, по происхождению аналогичным и присоединен здесь к показателю дв. ч. по примеру форм мн. ч. таких слов, на конце которых первоначально стоял \ddot{u} , напр., нен. $-\ddot{u}$ (< **-ui*): акк. мн. ч. $-\ddot{u}jj\ddot{u}$ (по рукописным записям лекций, которые вел Йоки). В качестве такого слова и его формы мн. ч. у Лехтисало приведено нен. (Л) $\eta ann\ddot{u}$ 'Boot' [< **-\ddot{u}- + *-j*, ср., напр. нган. (К) $\eta and\ddot{u}i$ то же]: акк. мн. ч. $\eta ann\ddot{u}jj\ddot{u}$ (Lehtisalo 1936:55). Имел

ли Лехтисало в виду, что в этой форме аккузатива сохранился гласный суффикса *-jV*, который из-за прогрессивной ассимиляции стал под влиянием *ū* лабиальным и под влиянием *jj* — верхним, причем *jj* является результатом поздней геминации? В ненецком словаре Лехтисало (Lehtisalo 1956) мы находим целый ряд форм аккузатива такого же типа, напр., *ullūjjū* (*ullū* 'Brustwarze, Zitze...'), *jeŋkujjū* (*jeŋkū* 'Falle'), *jeptū* ~ *jeptujjū* (*jeptu* [~ *japtū*] 'Gans'), *wānnojū* (*wānnū* 'Wurzel'), *ŋarŋōjjū* (*ŋārŋū* 'Nasenhöhle'), *warŋŋijjū* (*warŋæ* 'Krähe') (на конце основ всех этих слов выступает, видимо, суффикс **-jV*, см. Lehtisalo 1936:53—55, ср. и 64—66). Не исключена в принципе и возможность, что *-jū*, *-jū* здесь — показатель мн. ч., как и *-ji(-)*, *-j-*, *-je* в формах мн. ч. типа (К) ген. *nieneciji* : акк. *nieneciji* (*nienecēa* ~ *nienecē* ~ *nienec* 'Mensch'); (Л) ген. *ñēnnečij* 'der Menschen' (иначе Лабади, см. Labádi 1967:416); (Т) акк. *ŋaworcije* (*ŋaworc* 'посуда'). Имеются, по всей вероятности, и случаи обобщений в обратном направлении, т. е. из дв. ч. во мн. ч. В качестве таких случаев следует рассматривать выступающие лишь в нескольких известных глагольных формах показатели мн. ч. для специальных глагольных форм нен. *-χaje-* (вместо обычного *-ja-* и т. д.), нган. *-gəj-* (вместо обычного *-j-* и т. д.). По меньшей мере первый компонент *-χa-*, *-gə-* этих показателей мн. ч. перенят из дв. ч. (посессивного склонения). Предположение Лехтисало о том, что энецкий показатель дв. ч. *-χu-* (и т. д.) происходит от **-haju-*, поддерживается и выступлением долгого *ū* в вариантах *-χū-*, *-gū-*. Будем считать, что все сказанное в данном отрывке относится, в первую очередь, к номинативу рассматриваемого посессивного склонения.

Вернемся теперь к косвенным падежам дв. ч. абсолютного склонения. В ненецком прослеживается тенденция к употреблению в генитиве абсолютного склонения показателя дв. ч. с гортанным смычным на конце, а в аккузативе — без гортанного смычного. Такое выступление гортанного смычного напоминает употребление гортанного смычного в соответствующих падежах мн. ч. (хотя характер гортанных смычных различен: в дв. ч. — назализирующийся, а во мн. ч. — неназализирующийся). В лативе, локативе и аблативе выступает показатель дв. ч. без гортанного смычного на конце (но он мог в принципе слиться с последующими падежными окончаниями или исчезнуть перед ними). Поскольку эти падежные формы образованы при помощи вторичных падежных окончаний послеложного происхождения, то следует ожидать, что в основу их лег тот или иной неместный падеж, скорее всего, номинатив или генитив (в обоих случаях ожидалось бы первоначальное наличие гортанного смычного). В отношении энецких и нганасанских показателей дв. ч. косвенных падежей абсолютного склонения с гласным *i* (такой показатель может выступать в энецком и в номинативе) напрашивается предположение, что они возводятся к форме типа нган. *-gaj* и т. д., т. е. к форме с конечным *-j(*-kaj > *-kij > -ki)*. Но бросается в глаза и другое: они напоминают коаффикс падежных окончаний местных падежей мн. ч. эн. *-χi-*, *-gi-*, *-ki-*; нган. *-gi-*, *-ki-* (наличествует ныне в нганасанском лишь в аблативе, но употреблялся ранее, несомненно, шире, см. Künnap 1971:125—129); ср., напр., эн. (К) лок. ед. ч. *lataχane* : дв. ч. *lataχinēne* : мн. ч. *lataχine* (*lata* 'Brett'). *i* является часто и формой гласных основы в генитиве и аккузативе или генитиве-аккузативе мн. ч. этих языков. Не следует ли при косвенных падежах дв. ч. абсолютного склонения считаться в энецком и нганасанском с уподобляющим влиянием косвенных падежей мн. ч.? Ведь без этого трудно объяснить выступление *i* в показателе дв. ч., осо-

бенно в генитиве-аккузативе: можно, действительно, представить себе, что в местных падежах произошел переход *-kaj- > -ki-, так как показатель стоит здесь внутри слова, но нельзя понять, почему на конце слова показатель сохранил в номинативе свою более первичную форму эн. -χa' и т. д., нган. -gaj и т. д., а в генитиве-аккузативе перешел в эн. -χi' и т. д., нган. -gi, -ki. В энецком в генитиве-аккузативе на конце показателя дв. ч. с *i* стоит гортанный смычный, т. е. как на конце номинатива, но, с другой стороны, как и на конце форм обычного генитива-аккузатива мн. ч. (хотя они здесь различны по своему характеру: в дв. ч. — назализирующийся, а во мн. ч. — неназализирующийся).

В косвенных падежах дв. ч. посессивного склонения употребляется тот же числовой показатель, что и в номинативе (точнее, в номинативе-аккузативе), за ним следуют посессивные суффиксы, а на конце падежных форм в местных падежах стоят вторичные падежные окончания послеложного происхождения. Но в ненецком и энецком языках начальные согласные посессивных суффиксов 2-го и 3-го л. в генитиве, лативе, локативе и аблативе оглушаются и выступают в форме *t*, словно им ранее предшествовал неназализирующийся гортанный смычный (в генитиве 1-го л. мы находим и случай выступления показателя дв. ч. с конечным гортанным смычным: -χaju-), т. е. как и в соответствующих падежных формах мн. ч. Объяснить выступление здесь неназализирующегося гортанного смычного нельзя, видимо, иначе, чем как результат влияния парадигм мн. ч. (посессивного склонения), ср., напр., нен. (К) лок. ед. ч. *lambaχananda* : дв. ч. *lambaχaju-taŋāna* : мн. ч. *lambaχanata* (*lamba* 'Schneeschuh'; посесс. суфф. 3-го л. ед. ч. -nda, -ta(-)).

Из сказанного явствует, что в северносамодийских парадигмах дв. ч. имеется целый ряд обобщений из парадигм мн. ч. как более употребительных. Без учета этого факта нельзя понять историю образования парадигм дв. ч. и различных вариантов самих показателей дв. ч. исторической именной сферы в северносамодийских языках. Имеются, видимо, и случаи обобщений в обратном направлении: из парадигм дв. ч. в парадигмы мн. ч. Связи между показателями дв. и мн. ч. в самодийских языках, вероятно, еще более глубоки и древни. Можно предположить, что второй компонент показателей дв. ч. в самодийских языках — там, где такой второй компонент действительно выступает — по происхождению идентичен с показателем мн. ч. (см. Joki 1968:225), а именно, с показателем мн. ч. исторической именной сферы *-nš ~ *-jš (см. Кюннар 1971:54—55, ср. и 30—31), последователем которого в северносамодийских языках является показатель мн. ч. этой сферы *-j(V).

Сокращения

А — записи автора статьи; **аор.** — аорист; **В** — записи Г. Вербова; **импер.** — императив; **инд.** — индикатив; **К** — записи М. А. Кастрена; **Л** — записи Т. Лехтисало; **М** — записи Т. Микола; **опт.** — оптатив; **П** — записи Г. Прокофьева; **през.** — презенс; **прет.** — претеритум; **Т** — записи Н. Терещенко; **Х** — записи П. Хайду.

ЛИТЕРАТУРА

- Вербов Д. 1935, Диалект лесных ненцев (рукоп. в архиве Института этнографии АН СССР в Ленинграде: фонд 2, опись 2, № 1).
 Кюннар А., Рукоп., Рукописные записи ненецкого языка с 1963 и 1972 гг., энецкого и нганасанского языков с 1972 г.
 ——— 1973, Показатели числа имен существительных в северносамодийских языках. — СФУ IX, 207—216.

- Прокофьев Г. 1937а, Нганасанский (тавгийский) диалект. — Языки и письменность народов Севера I, Москва—Ленинград, 53—74.
 ——— 1937б, Энецкий (енисейско-самоедский) диалект. — Языки и письменность народов Севера I, Москва—Ленинград, 75—90.
 Терещенко Н. 1965, Ненецко-русский словарь, Москва.
 ——— 1966а, Нганасанский язык. — Языки народов СССР III. Финно-угорские и самоедские языки, Москва, 416—437.
 ——— 1966б, Энецкий язык. — Языки народов СССР III. Финно-угорские и самоедские языки, Москва, 438—457.
 Castrén, M. A. 1854, Grammatik der samojedischen Sprachen, St. Petersburg.
 Castrén, M. A. — T. Lehtisalo 1940, Samojedische Volksdichtung, Helsinki (MSFOu LXXXIII).
 Castrén, M. A., T. Lehtisalo 1960, Samojedische Sprachmaterialien, Helsinki (MSFOu 122).
 Hajdú, P. 1958, Noch einmal über den Stimmbandverschlusslaut im Jurakischen. — ALHung. VII, 243—272.
 Joki, A. J. 1956, Eine Untersuchung über das Objekt in den uralischen Sprachen. — FUFAnz. XXXII, 1—41.
 ——— 1968, Über den Dual im Selkupischen. — CSIFU I, 222—226.
 Künnap, A. 1971, System und Ursprung der kamassischen Flexionssuffixe I. Numeruszeichen und Nominalflexion, Helsinki (MSFOu 147).
 ——— 1972, Kamassi keele pöördelõpud. — ESA 18, 215—234.
 Labádi, G. 1967, A kettős szám jele a samojéd nyelvekben. — NyK LXIX, 416—423.
 Lehtisalo, T. 1936, Über die primären uralischen ableitungssuffixe, Helsinki (MSFOu LXXII).
 ——— 1947, Juraksamojedische Volksdichtung, Helsinki (MSFOu XC).
 ——— 1956, Juraksamojedisches Wörterbuch, Helsinki (LSFU XIII).
 Mikola, T. 1967, Enzische Sprachmaterialien. — ALHung. 17, 59—74.
 ——— 1970, Adalékok a nganaszan nyelv ismeretéhez. — NyK LXXII, 59—93.
 N.-Sebestyén, I. 1971, Zur juraksamojedischen Konjugation. — FUF XXXVIII, 137—225.
 Ravila, P. 1948, Om konjugationens uppkomst i de uraliska språken. — Kungliga Humanistiska Vetenskapssamfundet i Uppsala. Årsbok 1948, 58—64.

AGO KUNNAP (Tartu)

ДНЕ NUMERUSZEICHEN DER FINITEN VERBFORMEN UND EINIGE PROBLEME DER DUALZEICHEN IM NORDSAMOJEDISCHEN

Alle Verbformen in den heutigen samojedischen Sprachen sind zweifellos nominalen Ursprungs (s. insbesondere Ravila 1948: 58—64; N.-Sebestyén 1971; Künnap 1972). Darauf weisen auch die Numeruszeichen in den finiten Verbformen des Nordsamojedischen hin: Wir können sehen, daß die Formen der 3. Pers. der subjektiven Konjugation ihrem Ursprung nach Nominativformen der absoluten Deklination sind, die Spezialformen der objektiven Konjugation aber, die auf die Zahl des Objektes hinweisen, ihrem Ursprung nach Nominativformen der possessiven Deklination sind. Die desiderative (od. prädestinative) Deklination stellt nur eine Variante der possessiven Deklination dar. Folglich haben wir es in der historischen nominalen Sphäre des Nordsamojedischen vom sprachgeschichtlichen Standpunkt aus nur mit zwei Gruppen der Numeruszeichen zu tun: für die absolute und die possessive Deklination. (Dasselbe gilt auch für das Südsamojedische, s. Künnap 1972.)

In den Dualparadigmen des Nordsamojedischen gibt es eine Reihe von Verallgemeinerungen aus den gebräuchlicheren Pluralparadigmen. Ohne diese Tatsache in Betracht zu ziehen, kann man die Geschichte der Bildung dieser Dualparadigmen nicht verstehen.

Поправка. В статье автора «Показатели числа имен существительных в северносамоедских языках» в СФУ 1973 IX 3, стр. 211 на 25 строке сверху замечена ошибка: напечатано **от номинатива дв. ч.**, должно быть **от ген.-акк. дв. ч.**